

ной стороны, и дистанцией в либидинальной икономии между удовольствием и Вещью как грехом, с другой.

Иудео-христианская культура, лежащая в основе западноевропейской цивилизации, задала первоначальные, исходные образцы конституирования субъективности на основе закона речи. Структуры эти продолжают действовать в современном обществе вне зависимости от процессов секуляризации, интеграции, новых типов идеологии. Законы, нарративы, рассказы и символы монотеизма продолжают поддерживать ключевые фантазии культуры, индивидуальности, наций, статус государственности и общинную близость в современности, которая стремится вытеснить их (дискурс искусства) или отрицать (дискурс науки). Религиозный дискурс по-прежнему продолжает поддерживать и гарантировать в культуре наши структуры субъективности и социального взаимодействия. Светский субъект произведен религиозным дискурсом, который ему предшествует и продолжает говорить через него. И задача современной критики не в том, чтобы заста-

вить замолчать или разоблачить этот дискурс, но, скорее, в том, чтобы убедить современный субъект принять ответственность за его артикуляцию.

Примечания

¹ Не принимая позицию метафизического реализма, лакановская теория постоянно рискует в глазах внешнего наблюдателя впасть в культурный релятивизм, от чего ее, однако, оберегает общая для психоанализа установка на естествознание.

² Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках: Критический очерк концепций французского структурализма. М., 1977. С.34.

³ Лакан Ж. Семинары. Кн.1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М., 1998. С.176.

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн.11. Четыре основные понятия психоанализа. М., 2004. С.136.

⁵ Лакан Ж. Телевидение. М., 2000. С.61.

⁶ Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 2004. С.433.

⁷ Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа. М., 2006. С.169.

⁸ Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопр. философии. 1990. № 19. С.159.

⁹ Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа. С.93.

¹⁰ Своеобразное развитие этой мысли изложено в работе см.: Reinhard K., Reinhard J. The Subject of Religion: Lacan and the Ten Commandments // Diacritics. 2003. V.33, № 2, Summer. P.91.

УДК 130.2 (316.77)

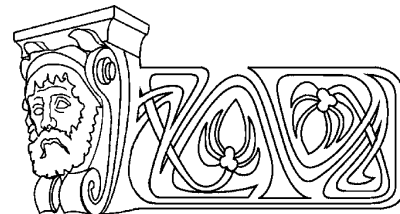
У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ САЛОНЫ РОССИИ XIX ВЕКА

Е.В. Семенова

Калужский государственный педагогический университет
E-mail: 19kat82@mail.ru

Статья посвящена исследованию литературных салонов XIX в. на примере салонов А.П. Елагиной, З.А. Волконской и В.Ф. Одоевского. На основе анализа раскрыты их положительные и отрицательные черты; выявлены выполняемые ими задачи и место в отечественной культуре; убедительно доказана заслуга литературных салонов в формировании и распространении отечественных философских идей. Русская мысль, развиваясь в недрах литературных салонов, постепенно и плавно перешла в философские сообщества, где превратилась в самостоятельную школу русской национальной философии.

Ключевые слова: русская культура, национальные философские идеи, школа русской национальной философии, русская философия, становление русской философской культуры, литературные салоны России XIX века.

In Sources of National Philosophical Culture Formation: the Russian Literary Salons of 19 Century

E.V. Semenova

This article is dedicated to the research of the literary salons 19 century on the example of A.P. Elagina, Z.A. Volkonskaja and V.F. Odoyevskij salons. We analyzed positive and negative traits of these salons, the problems, the places and the significances of the literary salons in Russian culture. It is proved scientifically: they have rendered great services to the forming of the national philosophical ideas and to their dissemination. The essence of this article is the Russian reflections gradually changed from the literary salons to the philosophical society, where it was the school of Russian national philosophy.

Key words: Russian culture, national philosophical ideas, the school of Russian national philosophy, Russian philosophy, the formation of national philosophical culture, the Russian literary salons of XIX century.

«Русская философия говорит о богатстве русского духа и его неповторимости в мировом пространстве и в мировой философской культуре»¹. Если западная философия вырастает из мифологии, то русская – из соединения философии и литературы. Эта связь была заложена в самом основании русской культуры, литературы и философии одновременно. Пальму первенства делить не приходится, ибо «как впоследствии литература питала русскую философию, так вначале именно философия дала духовный заряд отечественной литературе», – отмечает В.К. Кантор². В соединении литературы и философии проявляются их генетическое родство и историческая близость. Сегодня стало ясно: «Философия в России и русская литература создают удивительно органичный и глубокий синтез. Такого явления, – отмечает А.С. Стрельцов, – мы не встречаем ни в одной культуре других стран в XIX веке»³. Однако проблема соединения и взаимодействия литературы и философии в русской культуре рассматривались чаще всего как второстепенная, когда на самом деле она раскрывает онтологическую основу русской философии. «Вопрос о соединении литературы и философии в русской культуре чаще всего рассматривался с внешней стороны, как совпадение, в то время как он имеет глубинную основу и онтологическую связь этих явлений»⁴. С нашей точки зрения, данную проблему следует раскрывать более широко.

Как известно, относительно времени возникновения русской философии есть две точки зрения. Одна связывает это возникновение с крещением Руси, другая ведет это начало только со славянофилов. Но независимо от того, когда возникла русская философия, время ее кристаллизации, приобретения четких форм можно отнести только к XIX веку. Поэтому одной из особенностей ее развития можно считать сближение с литературой на почве отечественной культуры в литературно-философских салонах, которые заложили начало отечественным философским идеям XIX столетия.

В России XVIII–XIX вв. почти не было многотомных фундаментальных философ-

ских произведений, что объясняется отчасти сложными историческими обстоятельствами: жесткой цензурой по отношению к философии, настороженностью государства по отношению к преподаванию этого предмета в учебных заведениях, наметившимся еще в XVIII в. стремлением сделать важнейшей дисциплиной богословие, подчинив ему все прочее. Как считает Г. Флоровский, основания для систематической философской культуры закладывались в духовных школах: «именно в церковной школе начинается русское любомудрие»⁶ – указывал исследователь. Тем не менее, с его точки зрения, «принялись философские идеи не в философском порядке. Они принялись и проросли в тех своеобразных “кружках”, в которые в те годы собирается молодежь...»⁷. Однако говоря о «кружках», Флоровский игнорирует значение «литературных салонов» для развития и распространения отечественных философских идей, роль которых не должна уменьшаться.

Литературные салоны – уникальное явление нашей культуры XIX в., чаще всего воспринимаемое как встречи интеллектуалов, соединенных общими интересами. Они имеют непреходящее значение, являясь важнейшим средством формирования общественной мысли в России этого периода. Салон – небольшое объединение людей избранного круга, собиравшихся в доме какого-нибудь частного лица ради свободного обмена мнениями на произвольные темы: литературные, философские, политические, социальные, исторические, религиозные и т.п. К сожалению, системные исследования подобных образований в философском анализе отечественной культуры пока отсутствуют, хотя, безусловно, фрагментарно о них писали многие: М.А. Маслин, К.Д. Кавелин, М. Аронсон, С. Рейсер, Н.О. Лосский и др.

Среди причин образования литературных салонов на первый план выдвигались интересы объединения единомышленников в некие, часто спонтанные, формы «домашних обществ» (С.С. Уваров). Здесь проводилась важная работа по оформлению национального самосознания, закладывались принципы отечественной философии. М.А. Маслин за-

мечал: «Важные и влиятельнейшие философские замыслы принадлежали в XIX в. часто не систематизаторам-теоретикам, а членам философских кружков и светских салонов (любомудры, славянофилы и западники)»⁸. Весь опыт мировой философии говорит о плодотворности таких союзов: Афинские школы в Древней Греции, Платоновская академия, группы «Бури и натиска», немецкие романтики в конце XVIII века, младогегельянцы в 40-х гг. XIX в. ... Однако российский опыт отличался от европейского, прежде всего, тем, что собственно философских обществ в XIX в. у нас не существовало. Отечественная философская мысль зарождалась и созревала в недрах литературных салонов, характеризующихся крайней степенью хаотичности. Многие из них появлялись и исчезали совершенно бессистемно. Невозможно даже зафиксировать их точное количество. Только примерно можно назвать число представителей того или иного салона. Преимущественно в них входили люди знатных сословий, знаменитые своими дарованиями в какой-либо области, или просто родственники, знакомые хозяев. Тем не менее заслуга их в формировании и распространении отечественных философских идей несомненна: русская мысль, развиваясь в недрах литературных салонов, постепенно и плавно перешла в философские сообщества, где превратилась в самостоятельную школу русской национальной философии.

Специально обратим внимание на большую социальную роль кружков и салонов в культуре XIX в. Министр народного просвещения С.С. Уваров признавал, что в тот период времени «домашние общества» имели более заметное влияние на современников, чем академии и государственные учреждения⁹. Неслучайно XIX в. характеризуется повышенным вниманием тайной полиции к таким объединениям. Известно, что в связи с восстанием декабристов внимание следственной комиссии долго привлекала «Зеленая лампа», а от страха быть открытыми самоликвидировались любомудры. А. Герцена отправили в ссылку, когда полиция раскрыла его кружок. За принадлежность к кружку М. Петрашевского несколько человек были приговорены к смертной казни и, испытав предсмертный ужас, прямо с эшафота отправились в Сибирь

на рудники. Среди них был и Ф. Достоевский. Н.О. Лосский считает, что главным предметом обвинения, приведшего писателя на эшафот, а потом на каторгу, стало «Письмо Белинского к Гоголю», которое мыслитель прочитал в этом кружке¹⁰.

Итак, кружки и салоны как формы объединения были окружены в николаевскую эпоху системой шпионажа, подвергались запретам. Против них боролись – значит, они имели серьезное значение для формирования культуры России XIX в. О том, что они были крупным общественным явлением, свидетельствуют многие высказывания¹¹. Например, Герцен считал, что появление кружков – это «естественная потребность тогдашней русской жизни», так как «возбужденная мысль требовала выхода»¹². Иметь кружки и салоны на своей стороне – значило в то время иметь сильное влияние на русскую общественность.

Значение литературных салонов для формирования русской философской культуры помогут раскрыть выполняемые ими задачи.

Задача коммуникации. Прежде всего, литературно-философские салоны удовлетворяли желание людей в общении. Общаясь, члены салона способствовали повышению уровня своего развития и одновременно с этим сохранению культуры страны. Здесь встречались передовые люди России XIX столетия. Салон Авдотьи Петровны Елагиной (1789–1877) «был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции <...> всего, что было у нас самого просвещенного, литературно и научно образованного <...> Невозможно писать историю русского научного движения, не встречаясь на каждом шагу с её именем»¹³. О салоне З.А. Волконской А.Н. Муравьев писал: «Тут можно было встретить все, что только было именитого на Русском Парнасе, ибо все преклонялись перед гениальной женщиной. А.С. Пушкин и П.А. Вяземский, Баратынский и Дельвиг были постоянными ее посетителями, кн. В.Ф. Одоевский, М.Н. Загоскин, Раич, С.П. Шевырев и М.П. Погодин, хотя и не любители большого света, не чуждались, однако, ее блистательного круга: так умела она все собирать воедино...»¹⁴.

В этих сообществах решалась и еще одна задача – интегративная. Она заключается в том, что культура объединяет народы и разные социальные общности. Особенно примечателен в этом плане салон В.Ф. Одоевского. Соллогуб утверждал: «В этом безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия сходилась по субботам весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком»¹⁵. Это, несмотря на то, что Одоевский, бесспорно, принадлежал к самому высшему кругу. Тем не менее, как подчеркивает И.И. Панаев, «Одоевский принимал каждого <...> без различия сословий и званий»¹⁶. Он делал это не случайно: хотел показать своим светским приятелям, что, кроме избранников, в России существует еще целый класс людей, занимающихся умственной деятельностью. Хотя принимали его позицию далеко не все.

Салоны никогда не были только московскими салонами. П. Бартенев отмечал: «Все, что было в Москве интеллигентного, просвещенного и талантливое, съезжалось сюда по воскресеньям. Приезжавшие в Москву знаменитости, русские и иностранные, являлись в салон Елагиной...»¹⁷.

В салонах решались практические задачи. Во-первых, можно было познакомиться с новинками литературы, философии и искусства; узнать много интересного и необходимого о новых литературных течениях, направлениях, философских идеях и т.п. Здесь авторы читали свои труды, выслушивали мнения коллег, обсуждали... Например, в салоне А.О. Смирновой многие впервые услышали произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин», Н.В. Гоголя «Сорочинская ярмарка», «Миргород», «Тарас Бульба», «Мертвые души», «Ревизор» и др. А.И. Кочелев вспоминал о салоне Е.А. Карамзиной: «Литература, русская и иностранные, важные события у нас и в Европе, особенно действия

тогдашних великих государственных людей Англии – Каннинга и Гускиссона составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы...»¹⁸. Во-вторых, они имели положительное педагогическое воздействие на молодых людей: «здесь они воспитывались и приготавливались к последующей литературной и научной деятельности <...> Здесь они встречались со всем, что тогда было выдающегося в русской литературе и науке, прислушивались к спорам и мнениям, сами принимали в них участие и мало-помалу укреплялись в любви к литературным и научным занятиям»¹⁹. В-третьих, нередко салоны формировали и новую культуру поведения. Ф. Вигель пишет о салоне А.Н. Оленина: «...члены оленинские даже в доме его хлебосольном, для всех открытом, и принимая участие в общей веселости, составляли какой-то особый мир, имеющий особые мнения, особые правила»²⁰. Культура таких сообществ также создавала относительно безопасные способы разрядки, не нарушающие социальной стабильности, например, в литературных объединениях эффективно использовали игру в карты. По воспоминанию А.Ф. Тютчевой, Е.А. Карамзина часто организовывала «партию в карты для стариков»²¹. В-четвертых, литературный салон в редких случаях мог быть «оформлением эстетических вкусов дворянского быта, выполняющая украшающую функцию жизни знатного и богатого слоя»²². Между салоном З. Волконской и салоном А. Елагиной нельзя провести резкой разницы. Если в первом первоклассные таланты пленяли слушателей своими поэтическими творениями в стихах и прозе, импровизировали, играли и пели, то во втором выдающиеся умы блистали перед слушателями своими ораторскими дарованиями, затрагивая всевозможные вопросы, не задевающие, однако, основ социального бытия собравшейся аудитории.

Кроме того, литературные салоны выполняли задачу социализации, необходимую для формирования личности, здесь усваивались определенные знания, нормы, ценности, имеющие значение для выхода за рамки конкретного салона. Часто салоны XIX в. были

не только средством формирования многих философских идей, но способствовали их распространению. Так, например, именно в салоне А.П. Елагиной «вырабатывалось и развивалось то направление православно-русское, которого душой и главным двигателем был Хомяков»²³, которое впоследствии назовут славянофильством. К. Кавелин констатировал, что «в литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготавливались к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения»²⁴. Салоны способствовали ориентации людей в области поведения, идеалов, направлений, литературных или философских; они помогали выработке своей идеологической позиции. Например, К. Кавелин признавался, что он «безгранично был обязан на первой поре жизни многим салону Елагиной». В.А. Соллогуб утверждал: «В моей жизни три дома играли важную роль: дом Олениных, дом Карамзиных, дом Виельгольских. В первом доме я начал уважать искусство, во втором начал его любить, в третьем начал его понимать»²⁵. Ю. Арнольд вспоминает, что в литературных салонах «идея возникла и обсуждалась, которая в последующие годы получала свое осуществление; довольно указать на идею, например, о женских гимназиях и об обществах посещения бедных»²⁶, сформулированную в салоне В.Ф. Одоевского. Кроме того, именно литературные салоны дали мощный толчок к созданию философских обществ, существующих долгое время и являющихся важнейшим образованием культуры России.

Заявленная вначале тема, безусловно, не исчерпывается содержанием данной статьи, по праву заслуживая фундаментального изучения. Тем не менее собранный, систематизированный и исследованный материал позволяет прийти к следующему заключению: для формирования русской философской культуры большое значение имеют литературные салоны России XIX в., позволившие

развивать и распространять важные философские идеи, даже в крайне неблагоприятных исторических условиях и вопреки им.

Примечания

¹ Стрельцов А.С. Философия и культура в русской мысли XIX – начала XX вв.: интегральный анализ. М., 2003. С.90.

² Кантор В.К. В поисках личности: опыт русской классики. М., 1994. С.46.

³ Стрельцов А.С. Указ. соч. С.222.

⁴ Там же.

⁵ Развитию интереса к философии способствовали также преподаватели, как И.И. Давыдов, М.И. Каринский, П.Д. Юркевич, В.Н. Карпов, Н.И. Надежин и др.

⁶ Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С.124.

⁷ Флоровский Г. Указ. соч. С.138.

⁸ Маслин М.А. Единство и многообразие русской философии // Вестн. Калужского ун-та. 2006. № 1. С.111–112.

⁹ См.: Колупанов Н.П. Биография А.И. Кошелева: В 2 т. М., 1889. Т.1, кн.1. С.53.

¹⁰ Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С.46–50.

¹¹ «В литературных кружках и салонах зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготавливались к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения» (см.: Кавелин К.Д. Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1899. Т.3. С.1129–1131).

¹² Герцен А. Былое и думы: В 4 т. СПб., 1913. Т.2. С.413.

¹³ Кавелин К.Д. Указ. соч. С.1118.

¹⁴ Муравьев А.Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871. С.11–13.

¹⁵ Соллогуб В.А. Воспоминание о кн. В.Ф. Одоевском // В память о кн. В.Ф. Одоевском. М., 1869. С.96.

¹⁶ Панаев И.И. Литературные воспоминания. Л., 1928. С.143–146.

¹⁷ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С.204.

¹⁸ Кошелев А.И. Воспоминание о Хомякове // Русский архив. 1879. Кн.3. С.266.

¹⁹ Аронсон М., Рейсер С. Указ. соч. С.202.

²⁰ Вигель Ф. Записки: В 7 ч. М., 1892. Ч.3. С.153–154.

²¹ Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 1928–1929. С.70–71.

²² Аронсон М., Рейсер С. Указ. соч. С.22.

²³ Там же. С.202.

²⁴ Кавелин К.Д. Указ. соч. С.1129–1131.

²⁵ Соллогуб В.А. Указ. соч. С.97.

²⁶ Арнольд Ю. Воспоминания: В 3 вып. М., 1892. Вып.2. С.198.